

Е.А. Сафонова

Сибирский государственный индустриальный университет

ОСНОВНЫЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ТРАНСФОРМАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В УСЛОВИЯХ ПОСТМОДЕРНИТИ

Конец XX века ознаменован глубинной перестройкой, затрагивающей не только основы современных западных обществ, но и мир в целом. Наиболее популярной в социальных науках концептуальной моделью, описывающей современное состояние общественного развития, выступает идея постмодернити Энтони Гидденса. Вхождение в данный период означает уход от институтов модерна в направлении к качественно новому типу общественного устройства, причем Э. Гидденс подчеркивает, что термин «постмодернити» отражает лишь «осведомленность об этом переходе, но не показывает, что он действительно имеет место» [1, С. 109]. Речь идет, таким образом, не о выходе за пределы модерна, а о его радикализации, что проявляется в крахе эволюционизма, исчезновении исторической телеологии и радикальной рефлексивности, подрывающей позиции разума и разрывающей связь между знанием и уверенностью. «Мы живем в мире, который целиком конституирован через рефлексивно примененное знание, и мы никогда не можем быть уверены, что любой его элемент не будет пересмотрен» [1, С. 105]. Главными отличительными особенностями рефлексивного модерна, согласно Гидденсу, являются:

- требование доверия к техническим и организационным системам высокого уровня сложности;
- новые размеры риска;
- непрозрачность и нестабильность социальной жизни;
- прогрессирующая экономическая, политическая и культурная глобализация.

Обозначив факт возникновения качественно новой социальности, сосредоточимся на вопросе, связанном с глубинными трансформациями в некотором роде одного из ее аспектов, а именно, политических отношений. Напомним, что с начала эпохи модерна политическое берет на себя функцию выражения социального, о чем писал К. Маркс, заявив, что политика есть лишь арена борьбы классов, ко-

торая по мере снятия социальных антагонизмов исчезнет, потеряв свое основание. Политическое сегодня не может сводиться к процессу осуществления власти. Политика как целое раскрывается только через понятия «отношения» и «участие»: «Политика имеет собственную специфику, а не просто является важным модусом сцепления или формой власти, отличающейся собственным режимом легитимации, и это потому, что она касается присущего ей субъекта, и касается его в форме режима отношений, определяющих политику как нечто свойственное этим отношениям» [2, С. 195].

Для реализации поставленной задачи необходимо раздвинуть теоретические рамки анализа, указав на то, что в социальных науках на сегодняшний день сосуществуют различные схемы интерпретации социальных изменений. Наиболее важными для изучения актуальных моментов в изменении политических отношений теоретическими обобщениями выступают теория информационного общества, являющаяся своеобразной версией неозволюционизма, и постмодернистская социологическая теория, предлагающая противоположный, антиэволюционистский взгляд, заключающийся в отрицании существования каких-либо исторических или социальных закономерностей и отказе от поисков сплоченных целостностей типа «общество». Целью авторов настоящей работы не является сравнение и тем более противопоставление указанных теоретических подходов, они рассматриваются строго как взаимодополняющие друг друга.

Актуальность обращения к заявленной предметности отчасти обусловлена тем фактом, что на сегодняшний момент вопрос о политическом измерении постсовременных обществ оказался отодвинутым на второй план. Как вполне очевидная рассматривается идея того, что свободный доступ к знаниям и их совместное использование способствуют укреплению открытых обществ, развитию демократии участия и толерантного диалога. Идеа-

лом политического устройства в информационных обществах провозглашается делиберативная демократия. Все чаще звучит идея о смещении власти от капитала к организованным знаниям и переходе суверенитета от политических инстанций к менеджерам и научным экспертам. На самом деле ситуация видится намного сложнее.

Автор известной работы «Информационная эпоха: экономика, общество и культура» М. Кастельс уделяет пристальное внимание видоизменениям политических отношений под влиянием растущей роли информации и сетевых технологий, фиксируя следующее:

- утрату прямой зависимости построения политических групп по принципу одновременности и пространственной близости;

- появление новых форм политической коммуникации, базирующихся на горизонтальных сетях коммуникации (индивидуальная коммуникация) и их распространение как на формальную политику, так и на политику протеста;

- постепенное вытеснение институтов представительской демократии в киберпространство;

- замещение политической легитимности коммуникативной надстройкой общественного мнения;

- диффузию дискурсов науки, политики и общества, появление комбинированных политических дискурсов, транслируемых в глобальном масштабе через электронные средства массовой коммуникации, международные институты и сетевые структуры гражданского общества.

Основное противоречие, связанное с широким использованием коммуникационных технологий, состоит в том, что на фоне возрастания политической информированности и вовлеченности граждан в политические дебаты расширяется поле манипуляции информацией, ограничение доступа к ней и ее несанкционированный надзор со стороны заинтересованных политических и экономических структур. По мнению Кастельса [3], медийная политика ведет к углублению кризиса политической легитимности, росту недоверия к политическому процессу. Схожий аспект рассмотрения политических отношений характеризует рассуждения Юргена Хабермаса [4]. Сосредотачивая свое внимание на ведущей роли политической общественной сферы, он подчеркивает, что ее существование в условиях позднего капитализма сопряжено с рядом трудностей. С одной стороны, эффективное функционирование демократической общественности, конституи-

руемой согласно принципам коммуникативной рациональности, предоставляет возможность для преодоления дефицита легитимации политической системы, с другой стороны, сама политическая система стремится обеспечить лояльность масс как конструктивным, так и селективным способом. В первом случае – выдвигая проекты социальных программ на государственном уровне, во втором – исключая из публичной дискуссии определенные темы и сообщения. Последнее достигается с помощью либо социально-структурных фильтров доступа к формированию общественного мнения, либо деформацией структур общественной коммуникации с помощью бюрократических методов, либо манипулированием потоками информации. Такой механизм нейтрализует возможности политического участия, которые в правовом отношении открыты для гражданина государства. Таким образом, происходит неизбежное столкновение общественно-политической сферы, сферы коммуникативной власти и административной системы, что и является предпосылкой легитимного кризиса современных государств. В современном обществе сфера действия общественности постоянно расширяется, а политическая действенность снижается: «В деятельности политической общественности встречаются и перекрещиваются два противоположных процесса: с одной стороны, коммуникативное формирование легитимной власти, которая рождается в свободном от всякой репрессивности процессе коммуникаций политической общественности, а с другой – такое обеспечение легитимности через политическую систему, с помощью которой административная власть пытается управлять политическими коммуникациями» [4, С. 50].

В условиях информационного общества благодаря электронным масс-медиа создается виртуальное социальное пространство, расширяющее для каждого потенциального участника возможность вмешательства в процессы коммуникации. Публичная сфера теряет свои изначально присущие ей качества и подвергается серьезной трансформации. Новая постиндустриальная публика не обладает определенным местом в пространстве, поскольку она локализована сразу во множестве мест и в пределе включает в себя бесконечное число голосов. На этом фоне фиксируется следующее противоречие: наряду с резко возросшим доступом к публичным средствам коммуникации происходит ослабление качества публичных дебатов. Создается ситуация недостатка коммуникации, необходимой общественности,

критическая гласность заменяется управляемой гласностью.

Информационное общество с новыми возможностями формирования и манипулирования общественным мнением порождает тенденцию рефеодализации, нового синтеза частной и публичной сфер. «Новые феодалы» создают публику вокруг своего места, города, или проблемы на основе личностных связей. Происходит конструирование публичных пространств, которые могут пересекаться, что вполне соответствует логике повышенной неоднородности сложных систем, а именно, современному обществу и государству. По мнению Хабермаса явление перефеодализации, противостоящее в современных условиях тенденции массовизации, может выполнять положительные функции, способствуя повышению качества политического управления. Если публичные органы заинтересованы в решении тех или иных задач, они неизбежно должны создавать публику и публичность, конструировать публичные пространства. Но на этом фоне, как отмечает Р. Сеннет, происходит смешение публичной и интимной жизни: люди начинают очень лично относиться к общественным делам. Они воспринимают политическую сферу как среду, где личность может проявить себя, становясь пассивным зрителем политического персонажа, предлагающего не столько свои поступки, сколько свои намерения и чувства. Публичная сфера перестает мыслиться как сфера неличностного смысла и неличностного действия. Публичная личность сменяется «личностью-самостью», неспособной оценивать чтобы-то ни было не иначе как через призму личных предпочтений, эмоций, вкусов. Тем самым вера в то, что непосредственные межличностные отношения основываются на интимности, отвлекает человека от стремления понимать существо власти, основываясь на рациональных основаниях, и определять собственное политическое поведение. В политике падение публичной сферы и торжество «тирании интимности» означает деградацию *respublica*: «Сегодня публичная жизнь также стала предметом формального обязательства. Большинство граждан подходит к своим отношениям с государством в духе покорного согласия, но это бессилие по своим масштабам гораздо шире, чем политическая деятельность ... участие в *respublica* сегодня чаще всего является чем-то происходящим по инерции и форумы этой публичной жизни, как, например, город, пребывают в состоянии упадка» [5, С. 9].

Таким образом, создается парадоксальная ситуация: господство безличных и механических связей создало основу для становления национальных и территориально целостных государств, потребность в контроле над которыми выступила главным фактором появления демократического способа реализации власти, но как только социальность модерна стала преодолевать свою обезличенность, это обернулось лишь созданием более совершенных технологий власти, с одной стороны, и привело к кризису гражданственности, с другой.

Продолжает тему отношений знания и власти автор популярной прогностической модели Д. Белл [6]. Он указывает на появление новой формы власти, основанной на технических знаниях, что приводит к расширению сферы власти и усложнению способов принятия решений, полагая, что «соотношение технических и политических решений станет одной из основных проблем общественной политики» [6, С. 490]. Общество, формирующееся под воздействием интеллектуальной технологии, приобретает коммунальную природу, поскольку знание – это «коллективное благо». На фоне проблем адекватной оценки производимых постиндустриальной экономикой товаров и более справедливого распределения благ, а также многомерности параметров стратификации, политическая арена приобретает все большее значение, поскольку все большее количество разнообразных групп стремится утвердить свои права и заявить о своих требованиях к обществу посредством политического порядка. Весомыми последствиями профессионализации общества и учащающегося принятия решений технократами являются «революция участия» и выступления со стороны общества против бюрократии. Данные процессы, с точки зрения Белла, возвращают нас к концепции общего блага и ставят под вопрос идею о рациональной организации общества. «Политическая сущность возникающего постиндустриального общества носит коммунальный характер в той мере, в какой его социальные цели и приоритеты, а также национальная политика направлены на реализацию соответствующих целей». Возникает такая ситуация, что «критерии индивидуальной полезности и максимизации прибыли становятся подчиненными более широким концепциям социального благосостояния и интересам сообщества – особенно по мере того, как побочные эффекты экологического опустошения умножают социальные издержки и угрожают жизненным удобствам» [6, С. 653]. По этой причине политическая система постиндустриальных обществ никогда не будет

полностью технократической. Политизация принятия решений повлечет за собой увеличение числа групповых конфликтов и обострит вопрос о том, существует ли единая система ценностей, которая может управлять выработкой политических решений.

С иной позиции смотрят на взаимосвязь социального и политического представители постмодернистской социологической теории. Автор известной концепции «общества риска» З. Бауман акцентирует внимание на таких чертах постмодернити, как утрата человеком контроля над большинством значимых социальных процессов, возрастающая в связи с этим неопределенность и незащищенность личности перед лицом внезапных перемен, а также связанное с ней отсутствие интереса к отдаленной перспективе. Все более явно начинает проявляться фрагментированность человеческого существования, создается угроза способности человека к целостным представлениям. На этом фоне происходит снижение интереса людей к совместным делам, чему способствует само государство, с радостью передавая часть своих прежних обязанностей и функций в сферу частных интересов и забот. Расширяется пропасть между общественным и частным, фиксируется «постоянный неуклонный упадок искусства перевода частных проблем на язык общественных и наоборот, искусства поддерживать диалог, вдыхающий жизненную силу в любую политику» [7, С. LIV]. Имеет место кризис гражданственности, «уход с агоры», перестают пользоваться спросом планы относительно «справедливого общества». Вакуум заполняет бульварная пресса, поиск новых объектов ненависти и агрессии, которыми порой становятся собственный организм и психика. Создается ситуация, когда чувство тревоги оказывается направлено не на искоренение истинных причин, а проистекает из отчаяния поиска альтернативных выходов. «Нынешний кризис гражданственности и недооценка потенциала политических акций проистекают в конечном итоге из ощущения (для которого есть ряд оснований), что отсутствуют не только механизмы обеспечения эффективных действий, тем более – коллективных эффективных действий и особенно – долгосрочных коллективных, но и пути возрождения таких механизмов или создания новых» [7, С. LIX].

Социологическая тема конца политики в обществе постмодернити особенно ярко проявляется в идеях Ж. Бодрийара. Согласно рассуждениям социального мыслителя в условиях потери социальным субъектности и превращения его в однородную массу, «молчаливое

большинство», политическое угасает. Масса «функционирует по принципу симуляции и мнимого референта Она губит и политическую волю и политическую репрезентацию» [8, С. 30]. То безразличие с ее стороны, в котором еще не так давно были заинтересованы централизованные и бюрократизированные властные механизмы, в ситуации постмодернити ведет их к гибели. Единственным выходом для них становится вместо поощрения пассивности подталкивать массы к участию. Но воля и репрезентация уже над ней властны, полагает Бодрийар, и в этой связи на первый план выходит информация, но не в качестве коммуникации, не в плане передачи смысла, спрос на который является проблематичным. «Вместо того чтобы трансформировать массу в энергию, информация осуществляет дальнейшее производство массы. Вместо того чтобы информировать, то есть, в соответствии с ее предназначением придавать форму и структуру, она еще больше ослабляет – «поле социальности» под ее воздействием неуклонно сокращается» [8, С. 33]. Политическое и социальное переходит в сферу гиперреальности. «Моделью восприятия политической сферы служит восприятие матча, художественного или мультипликационного фильма» [9, С. 47]. Происходит радикальное изменение взаимоотношений между историей и повседневностью, публичной и частной сферами. Если ранее повседневное было теневой стороной политического, то сегодня «полюсом силы оказываются уже не историческое и политическое с их абстрактной событийностью, а как раз обыденная, текущая жизнь, все то (включая сексуальность), что заклеили как мелкобуржуазное, отвратительное и аполитичное» [7]. Политическое, таким образом, сравнивается Бодрийаром со спектаклем, разыгрываемым перед обывателем.

Таким образом, обращение к наиболее актуальным теоретическим построениям, в поле внимания которых попадает вопрос о взаимосвязи социального и политического, позволяет сделать некоторые выводы, являющиеся пока лишь штрихами, которые при дальнейшем более тщательном анализе помогут создать четкую картину.

Итак, направленность изменений политических отношений обусловлена во многом видоизменяющейся под воздействием новых технологий структурой социального пространства и растущим влиянием масс-медиа. На этом фоне, казалось бы, должно происходить расширение социальных основ политики и нарастание конфликтогенного потенциала, приво-

дящие к усилению значимости политической сферы. Но наблюдается лишь политизация повседневности, снижение качества публичных дискуссий и кризис гражданственности, утрата интереса к проектам справедливого общественного устройства и усиление сомнений в отношении возможностей реализации общего блага как такового. Политическая арена теряет свои рациональные начала, полюсом ее притяжения становится повседневная жизнь, она «склоняется» перед «тиранией интимности». Политическое вынуждено берет на себя функцию «сборки» рассыпающегося социального, что только и позволяет ему сохранить возможность существования.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Р а н с ь е р Ж. На краю политического. – М.: Праксис, 2006. – 240 с.
2. Г и д д е н с Э. Последствия модернити. – В кн.: Новая постиндустриальная волна на Западе. – М.: Academia, 1999. С. 101 – 122.
3. К а с т е л ь с М. Коммуникация, власть и контр-власть в сетевом обществе. – В кн.: Социологический ежегодник: сб. науч. тр. Сер. Теория и история социологии / Под ред. Н.Е. Покровского, Д.В. Ефременко. – М.: 2010. С. 355 – 361.
4. Х а б е р м а с Ю. Демократия. Разум. Нравственность. Московские лекции и интервью. – М.: Academia, 1995. – 245 с.
5. С и н н е т Р. Падение публичного человека. – М.: Логос, 2002. – 424 с.
6. Б е л л Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. – М.: Academia, 1999. – 956 с.
7. Б а у м а н З. Индивидуализированное общество. – М.: Логос, 2002. – 390 с.
8. Б о д р и я р Ж. В тени молчаливого большинства или Конец социального. – Екатеринбург: изд. Уральского гос. ун-та, 2000. – 105 с.

© 2014 г. *Е.А. Сафонова*
Поступила 17 февраля 2014 г.